

ХРОНИКА

СЕССИЯ ОТДЕЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК АН СССР ПО ПРОБЛЕМАМ ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

25—28 ноября 1958 г. в Ленинграде состоялась сессия Отделения исторических наук АН СССР по проблемам византиноведения. В ее работе приняли участие историки Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Алма-Аты, Свердловска, Одессы, Великих Лук, Петрозаводска, Вологды, Красноярска, Севастополя, Загорска, Таганрога — всего около ста человек. На пленарных заседаниях, а также в трех секциях — 1) истории, 2) искусства и археологии, 3) филологии, литературоведения и вспомогательных дисциплин — было заслушано 43 доклада, которые группировались главным образом вокруг трех основных проблем: история византино-русских и византино-славянских отношений, особенности генезиса и развития византийского феодализма и византийская культура (литература и искусство, архитектура, археология).

Сессия открылась кратким вступительным словом и докладом академика М. Н. Тихомирова (Москва) на тему „Торговые пути из России в Византию в XIII—XV вв.“.

В докладе были широко использованы малоизвестные русские источники, в частности Известие диакона Игнатия о хождении митрополита Пимена в Царьград в 1389 г. Докладчик подчеркнул важность изучения торговых путей средневековья, так как по этим путям осуществлялись тогда и культурные связи между народами и государствами. В Византию из Восточной Европы следовали чаще речными путями по Волге и Дону — до Азова или по Днестру — до Аккермана, а затем плыли вдоль берегов Черного моря. Сухопутные дороги, ведущие к Азову и Аккерману с севера, имели несравненно меньшее значение.

Через Константинополь, где существовала постоянная русская колония, русские земли поддерживали связи и со Средиземноморьем. Греки и итальянцы жили в Москве и других русских городах, составляя колонии мастеров и торговцев.

История византино-русских отношений получила отражение и в докладе кандидата исторических наук Е. Ч. Скржинской (Ленинград) на тему: „Византийская политика в Северном Причерноморье в XII в.“ Докладчица подвергла тщательному анализу один из интереснейших памятников византийской дипломатии — хрисовул Мануила I Комнина 1169 г., предоставивший Генуе право торговли в Черном море. Е. Ч. Скржинская полагает, что после того, как нарушился союз Византии с Венецией, Мануил вынужден был привлечь на свою сторону Геную, так как нуждался в помощи ее флота для борьбы против Фридриха I Барбароссы. В качестве компенсации Мануил обещал генуэзцам улучшить условия для их колонии в Константинополе и

предоставить им право торговли на Черном море. Это право было, однако, несколько ограничено тем, что генуэзским кораблям было запрещено заходить в два пункта: „Росию“ и „Матраху“. Е. Ч. Скржинская отвергает мнение как тех ученых, которые считали, что „Росия“ находилась на месте Керчи, так и тех, которые локализовали ее в устье Дона. Сопоставление ряда источников приводит докладчика к заключению, что „Росия“ находилась на восточном (таманском) берегу Керченского пролива. В докладе были сделаны попытки по-новому объяснить происхождение названия, а также установить направление так называемого „Залозного“ пути из Киевской Руси на юго-восток.

Проблеме русско-византийских отношений были посвящены доклады кандидата исторических наук П. О. Карышковского (Одесса), и Н. Я. Полового (Таганрог). В докладе П. О. Карышковского „Лев Диакон о Тмутараканской Руси“, базирующемся на результатах работы автора над комментарием к русскому переводу „Истории“ Льва Диакона, было убедительно показано, что представление о наличии русских поселений в Тмутаракани в X в. (не подтверждающееся археологическим материалом) основано на ошибочном переводе трех мест „Истории“ Льва Диакона, где речь шла не о возвращении Руси к берегам Босфора (как понимали Б. Газе и Д. Попов), а лишь о плавании ее в этот район.

Н. Я. Половой поставил вопрос о взаимоотношениях древнерусских народных преданий и переводных византийских источников (Хроника Амартола, Житие Василия Нового) при формировании русских памятников о первом походе Игоря на греков. Докладчик пришел к выводу, что русские древние хронисты дали собственную версию рассказа о первом походе Игоря и настойчиво отстаивали свою точку зрения на этот поход.

Значительное внимание на сессии было уделено проблеме культурных связей Византии с Русью и славянскими странами, нашедшей отражение в ряде докладов по истории искусства и на литературоведческие темы.

Наиболее широко проблема была рассмотрена в докладе члена-корреспондента АН СССР В. Н. Лазарева (Москва) „Константинополь и национальные школы в свете новых исследований“.

В. Н. Лазарев отметил, что открытия последних десятилетий в области средневековой живописи отчетливо выявили своеобразие таких национальных школ, как русская, сербская, болгарская, грузинская, армянская и итальянская. Тем самым вскрылась полная несостоятельность утверждений тех западноевропейских ученых, которые произвольно растворяли эти школы в понятии „византийское искусство“. Вместе с тем новейшие научные исследования выявили и другую сторону историко-художественного процесса. Они наглядно показали, сколь велика была роль Константинополя как художественного центра, объединяющего различные творческие устремления. На примерах Равенны V—VI вв., Грузии и Армении IX—X вв., Болгарии и Сербии XIII в., древней Руси XIII—XV вв. и Италии конца XII—XIII вв. докладчик показал, как шел процесс кристаллизации национальных черт в местных школах. Изучение этого процесса убедительно свидетельствует, что местные традиции оказывались сильнее занесенных извне и что в конечном итоге они всегда побеждали.

Тот же вопрос затронул кандидат исторических наук М. К. Каргер в докладе „О русско-византийских связях в архитектуре“. Он отметил, что если раньше во многих работах преувеличивалась роль культурного воздействия Византии на культуру Руси, то в некоторых статьях

недавнего прошлого ошибочно игнорировалось значение, какое имели для Руси связи с высокоразвитой византийской культурой. Но эти связи Киевской Руси с Византией, подчеркнул докладчик, следует трактовать не как „византийскую экспансию“ (как предполагают некоторые исследователи), а как двусторонний процесс взаимовлияния.

Анализ творческого отношения русских художников к византийским мотивам был дан в докладах доктора искусствоведческих наук М. А. Ильина (Москва) и кандидата искусствоведческих наук В. И. Антоновой (Москва). Обратившись к так называемому „палатному письму“, т. е. мотивам архитектуры в древнерусской живописи рубежа XIV—XV вв. М. А. Ильин остановился на анализе икон „Вход в Иерусалим“ из праздничного ряда иконостаса Благовещенского собора Московского Кремля (кисти Андрея Рублева). Докладчик высказал предположение, что появление изображения иерусалимского храма гроба господня на этой иконе было результатом совместной работы Андрея Рублева с Феофаном Греком, выдающимся византийским мастером, который принес на Русь много неизвестных до того изображений, присущих византийскому искусству.

Заведующая отделом древнерусского искусства Государственной Третьяковской галереи В. И. Антонова остановилась на вопросе о первоначальной композиции иконы Владимирской богородицы. Ею был показан сложный путь превращения византийской иконы типа „богородица с младенцем“ в древнерусскую икону типа „богородица с младенцем“.

Главный хранитель Загорского музея О. А. Белоброва выступила с докладом „Статуя византийского императора Юстиниана в древнерусских письменных источниках и иконографии“. В докладе прослежена своеобразная изобразительная и литературная традиция древнерусских представлений об этой статуе, восходящая, возможно, к Феофану Греку.

С докладом «Византийское сказание о Дигенисе Акрите и русское „Деяние древних времен“» выступила доктор филологических наук В. Д. Кузьмина (Москва). Докладчица остановилась на проблеме генезиса византийского эпоса о Дигенисе Акрите, сложившегося на основе народных песен, и показала ценность древнерусского перевода, точнее всего, по ее мнению, сохранившего черты архетипа греческой поэмы.

Доклад на тему о византино-славянских литературных связях, в котором рассматривался вопрос о том, насколько самостоятельно древнерусские авторы знакомили русское общество с памятниками византийской литературы, с жизнью и бытом Византии, прочитал доктор филологических наук Н. А. Мещерский (Петрозаводск).

Кандидат исторических наук А. И. Клибанов (Москва) затронул в своем докладе вопрос об отражении варлаамово-паламитских споров в русской общественной мысли в середине XIV в. Докладчик показал связь русского свободомыслия XIV в. с течениями общественной жизни Византии. Об этом, в частности, свидетельствует полемика между тверским епископом Федором Добрым, взгляды которого испытывали известное влияние сочинений византийского теолога Варлаама, и новгородским архиепископом Василием Каликой, сторонником ортодоксальных догм.

В докладе кандидата исторических наук М. М. Копыленко (Алма-Ата) „Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов“ рассматривался вопрос о путях и особенностях распространения греческого образования в России в конце XVII—начале XVIII в.

На сессии были также затронуты вопросы хазаро-византийских (доклад проф. М. И. Артамонова) и армяно-византийских (доклад

кандидата исторических наук Р. М. Бартикяна) политических отношений.

М. И. Артамонов (Ленинград) дал развернутую картину политических отношений между Византийской империей и хазарами, начиная с того времени, когда войска Ираклия с помощью тюрко-хазар разгромили в 627—628 г. Сасанидский Иран, и кончая разгромом Хазарского царства Святославом в 965 г.

Р. М. Бартикян (Ереван) остановился на истории взаимоотношений Византии с Киликийским армянским государством в конце XII в.

Центральное место на сессии заняла дискуссия о важнейших проблемах развития византийского феодализма. Этот вопрос имеет тем большее значение, что в современной реакционной буржуазной историографии мы встречаем, как правило, отрицание византийского феодализма или признание его лишь в последние века существования Византийской империи. Вопрос о византийском феодализме как об определенной совокупности социально-экономических явлений (а не только как об особой форме политической надстройки) был разработан в последние годы советскими учеными, и его решение принято в настоящее время учеными стран народной демократии и некоторыми передовыми византинистами на Западе.

С изложением основных тезисов доклада, подготовленного совместно с кандидатом исторических наук А. П. Кажданом и предварительно опубликованного в журнале „Вопросы истории“¹, выступила кандидат исторических наук З. В. Удальцова. Она остановилась на четырех важнейших вопросах, являющихся в настоящее время еще спорными, а именно: 1) о переходе от рабовладения к феодализму в Византии; 2) о византийской общине; 3) о византийском городе и 4) о зарождении в Византии элементов раннекапиталистических отношений.

Говоря о первой проблеме, З. В. Удальцова указала, что лишь формально спор ведется о времени перехода к феодализму в Византии, тогда как на деле расхождение между историками глубже: предстоит решить, происходило ли превращение рабовладельческой латифундии в феодальную вотчину путем постепенной трансформации прежних форм присвоения прибавочного труда непосредственных производителей или же рабовладельческая латифундия была разрушена (в ходе экономического кризиса, народных движений и варварских вторжений) и ее место на некоторое время заняла крестьянская община, в результате распада которой в дальнейшем уже формировалась феодальная вотчина. Защищая последнюю точку зрения, докладчица, в частности, указала, что рассматривает восточноримских колонов — „георгов“ — не как носителей нового (феодального) способа производства, а как потомков эллинистических „лаой базиликой“, уже в давние времена прикрепленных к земле. Она указала также на распространение в IV—VI вв. мелкой собственности и на некоторые черты, свидетельствующие об ослаблении прикрепленности „георгов“. Народные движения и варварские вторжения на рубеже VI—VII вв. создали благоприятные условия для революционного сокрушения рабовладельческих порядков, хотя элементы рабовладения сохранились и позднее.

Говоря о византийской общине, подчеркнула З. В. Удальцова, мы обычно констатировали до сих пор только самый факт существования общинных отношений. Теперь необходимо поставить вопрос о конкретных чертах византийской общины VIII—X вв. и о ее отличии от позднеримской общины. Последнее тем более важно, что реакционные

¹ З. В. Удальцова и А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. ВИ, 1958, № 10.

буржуазные историки решительно отрицают наличие сколько-нибудь существенных перемен в социально-экономическом строе империи на протяжении IV—VIII вв. На самом же деле между позднеимперской общиной и общиной по „Земледельческому закону“ и памятникам VIII—X вв. можно проследить существенное различие, и представляется вероятным, что новые черты, характерные для „средневизантийской“ общины, связаны с общественным переворотом VII столетия и со славянскими вторжениями.

Проблема византийского города до последнего времени не привлекала внимания, она была поставлена сравнительно недавно советскими византистами. Основной вопрос, который должен быть решен, это вопрос о судьбах византийского города в VII—начале IX в.: вправду ли мы говорить о непрерывной традиции в истории византийского города или же и в Византии, так же как на Западе или в Армении, города пережили в раннее средневековье полосу длительного упадка? Авторы доклада, защищая последнюю точку зрения, обращают внимание на обширный нумизматический и археологический материал, свидетельствующий о сокращении товарного производства с конца VII в., о замирании ремесленного производства, об аграризации части городов в это время. Только с конца IX в., а особенно в XI—XII вв., можно наблюдать новый подъем византийских городов.

Наконец, авторы доклада считают, что в последние века существования Византийской империи наряду с чертами упадка можно заметить и некоторые элементы новых, раннекапиталистических отношений и что эти элементы более отчетливо вырисовывались в деревне, ибо византийская деревня все теснее связывалась с итальянским рынком, что приводило к перестройке ее хозяйственного уклада.

Наиболее последовательные возражения против высказанных точек зрения были выдвинуты доктором исторических наук Е. Э. Липшиц (Ленинград), выступившей с докладом „Спорные вопросы истории ранневизантийского феодализма“. Е. Э. Липшиц утверждала, что кризис, отделяющий рабовладельческое общество от феодального, был пережит не в VI—VII вв., а еще в III—IV столетиях. По ее мнению, процесс развития феодальной формации в Византии явился результатом сочетания („амальгамы“) тех прогрессивных тенденций к феодализму, которые были уже в эллинизованных восточных провинциях Римской империи, с остатками родового строя сельских общин, укрепившихся в процессе варваризации империи. С конца III—начала IV столетия эти явления, встречавшиеся спорадически и раньше, получили широкое распространение и начали играть ведущую роль. Поэтому, подчеркнула Е. Э. Липшиц, именно III—IV века должны рассматриваться как историческая грань.

Для первого этапа формирования византийского феодализма в IV—V вв. типичной формой является эксплуатация колонов крупными частными земельными собственниками. Независимые сельские общины в этот период играют сравнительно меньшую роль, чем в последующий.

Полемизируя с Э. В. Удальцовой и А. П. Кажданом, Е. Э. Липшиц защищала ту точку зрения, что походы славян на Византию приобрели значительный размах уже в VI в. (а не в VII в.) и что в том же веке, по существу, сложились и фемы.

С началом массовых славянских поселений на Балканах и в Малой Азии наблюдается повсеместное распространение крестьянских общин, эксплуатируемых по мере их подчинения империи византийским централизованным государством, и временное уменьшение удельного веса в экономике страны крупного частного землевладения. Этот период,

по мнению докладчицы, продолжается примерно до середины IX столетия, когда наступление новой фемной знати на общины и развивающийся внутри общин процесс дифференциации и разложения приводящий к захвату отдельных общин династами и к прогрессирующему распаду некогда существовавших общинных обычаев и порядков.

Е. Э. Липшиц стремилась также опровергнуть взгляды докладчиков на судьбы византийского города в VII—IX вв. По ее мнению, степень разработки вопроса и собранные до настоящего времени материалы пока не дают оснований для такого категорического вывода в отношении истории византийского города, какой предлагают докладчики.

Е. Э. Липшиц высказала также сомнения в целесообразности выдвинутого докладчиками разграничения между позднеримской и „средне-византийской“ общиной. Е. Э. Липшиц считает, что в IV—VIII вв. не произошло качественных изменений в характере общины и что мы можем наблюдать лишь количественное увеличение числа общин.

Доктор исторических наук М. Я. Сюзюмов (Свердловск) в докладе „К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии“ остановился на двух проблемах: 1) своеобразие генезиса византийского феодализма и 2) многообразие путей развития феодализма в Византии. Особенности условий, в которых происходил в Византии генезис феодализма, заключались, по его мнению, в том, что здесь оказались ненарушенными (или почти не нарушенными) позднеримские традиции: в Византии сохранилась частная собственность, товарное производство, города, развитое государство и т. д. М. Я. Сюзюмов признает, что в VII в. товарное производство пострадало, но называет это лишь „издержкой революции.“ и отвергает наличие качественных изменений („скачков“) в развитии товарного производства. В результате сложившихся исторических условий в Византии возможны были различные пути становления феодального строя: 1) через феодальную раздробленность, подобно франкскому развитию; 2) через организацию самостоятельных городских республик (так сказать, „венецианский“ путь развития) и 3) путь организации деспотического государства, как во многих азиатских странах. Острая борьба за тот или иной путь сделалась основой политической истории Византии в VII—XI вв. и обусловила медленность процесса перехода от одного исторически необходимого этапа к другому. Этим затормозилось развитие производительных сил, и Византия постепенно отставала от Запада и оказалась неспособной к сопротивлению внешним врагам.

В прениях по докладам выступили доктор исторических наук М. А. Гуковский, академик В. В. Струве, член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская, кандидаты исторических наук М. М. Фрейденберг, Н. Ю. Ломоури, проф. И. К. Кусикьян.

С заключительным словом от имени авторов статьи в „Вопросах истории“ выступил А. П. Каждан. Еще раз оговорив гипотетичность предложенных в докладе решений, он, однако, защищал правильность общей постановки проблем в статье и в докладе. Он подчеркнул, в частности, что наиболее важными особенностями развития феодализма в Византии являются следующие: а) относительная прочность славяно-византийской общины и соответственно относительная медленность выделения аллодиальной собственности; б) относительная медленность процесса образования вотчины и обусловленная этим необходимость для феодалов спланировать вокруг государства и эксплуатировать крестьянство при помощи централизованной ренты-налога; в) сохранение в условиях общего упадка товарного производства нескольких городов (прежде всего Константинополя), благополучие которых основывалось на том, что они были центрами потребления ренты-

налога, присваивавшейся императором и его ближайшим окружением; г) византийское государство не только не противодействовало процессам феодализации (как это утверждает большинство буржуазных историков), но способствовало как закабалению крестьянства, так и росту феодальной собственности.

В соответствии с основной темой дискуссии на сессии было прочитано несколько докладов по ряду специальных вопросов.

Действительный член АН Грузинской ССР С. Г. Каухчишвили (Тбилиси) остановился на еще недостаточно изученном и спорном вопросе о возникновении фемной организации в Византийской империи. Рассматривая возникновение фем в связи с развитием феодализации, С. Г. Каухчишвили считает, что зарождение этих процессов можно отнести еще к VI в. Для доказательства этого положения докладчик остановился, в частности, на истории Лазики в правление императора Юстиниана и утверждал, что правители этой области (стратиги, стратилаты) нередко назначались в ту пору из представителей местных феодалов [и обладали, подобно будущим стратигам фем, как военной, так и гражданской властью.

Доклад кандидата исторических наук М. Л. Абрамсон (Москва) был посвящен своеобразию генезиса феодализма в византийской Италии. Основное внимание в докладе было уделено рассмотрению арендных отношений в Южной Италии IX—XI вв. М. Л. Абрамсон показала, что в начале этого периода здесь существовали единообразные формы арендных отношений, не зависевшие от социального статуса арендатора. Лишь постепенно крестьяне-арендаторы оказались в худшем положении сравнительно с арендаторами-вотчинниками, а в XI в. уже было сформулировано право собственника стогнать крестьянина-арендатора с арендованной им земли.

Кандидат исторических наук К. А. Осипова (Москва) посвятила свое выступление одному из финансово-правовых установлений Византии, несколько раз упомянутому в источниках, но еще недостаточно изученному, — так называемому аллиенгию (обязанности платить подати за пустующие соседние земли). Докладчица рассматривала аллиенгий X в. в связи с распространением практики земельных изъятий и показала, какую роль играл этот институт в наступлении класса феодалов на крестьянство.

Кандидат исторических наук М. М. Фрейденберг (Великие Луки) остановился на особенностях византийской вотчины XI—XII вв. По мнению М. М. Фрейденберга, на эти столетия падает расцвет в Византии вотчин средней величины. Интересы именно этой категории вотчинников и выражали императоры династии Комнинов. В своих протастиях вотчинники средней руки селили париков-присельников, т. е. разорившихся крестьян, вынужденных покинуть свою деревню и селиться на новых местах. Образование слоя крепостных через предварительное разорение крестьян и присельничество М. М. Фрейденберг считает одной из специфических черт процесса феодализации в Византийской империи.

В докладе кандидата исторических наук Г. Г. Литаврина (Москва) „О некоторых проблемах социально-экономического развития Болгарии в XI—XII вв.“ была дана характеристика феодальной ренты в Болгарии в период византийского господства. Докладчик утверждал, что денежная рента существовала здесь лишь как делегированная феодалу доля государственного налога. Обычно же рента была отработочной. Вопреки утверждению некоторых историков, Г. Г. Литаврин отметил, что в Болгарии X в. еще не было объективных предпосылок для фео-

дальной раздробленности, так как в ту пору еще не достиг достаточного уровня процесс формирования феодальной вотчины.

Доклад кандидата исторических наук К. Н. Юзбашяна (Ленинград) был посвящен византийской экскуссии. Докладчик показал, что экскуссия — податная льгота — непосредственно приводит к изменениям в налогово-правовых отношениях между крестьянами и феодалами. Последние получают право на взимание с непосредственных производителей в качестве феодальной ренты тех налогов, которые ранее поступали в фиск. Вместе с тем феодалы получают права на внеэкономическое принуждение, а следовательно, и на личность крестьянина. Эти черты дают основание видеть в византийской экскуссии институт, принципиально сходный с западноевропейским иммунитетом времен Меровингов и Каролингов.

Доклад кандидата исторических наук Л. А. Шаферовой (Красноярск) был посвящен вопросу о происхождении сербской пронии. Первые упоминания о пронии в Сербии относятся обычно к XIV в., однако докладчица полагает, что пронию как форму условной собственности знал уже не сохранившийся до нашего времени „Устав Симеона и Саввы“ (XII в.).

Несколько докладов на сессии были посвящены истории византийского города.

Кандидат исторических наук Г. Л. Курбатов (Ленинград) на материале Антиохии IV в. рассматривал некоторые вопросы социальной борьбы в городе с целью выяснить условия, подготовившие образование в V в. партий венетов и прасинов.

Кандидат исторических наук Р. А. Наследова (Москва), используя данные Иоанна Камениаты и новелл Льва VI, решительно опровергла высказывавшееся некоторыми исследователями утверждение о сохранении остатков городского самоуправления в Фессалонике конца IX—начала X в.

В докладе кандидата исторических наук Д. Л. Талиса (Москва) была предпринята попытка дать периодизацию истории Херсонеса в раннее средневековье. По мнению докладчика, ремесленное производство в городе успешно развивалось вплоть до VI в. С середины VI в. до первой половины IX в. наблюдается резкий спад в экономике. Новый подъем начинается со второй половины IX в. и достигает апогея в X в. В конце X в. Херсонес, оказавшийся в сфере борьбы Византии и Руси, был в значительной степени разрушен при взятии его Владимиром в 989 г.; это событие в совокупности с некоторыми другими политическими факторами привело к новому упадку города.

Периодизация, предложенная Д. Л. Талисом встретила, однако, ряд возражений со стороны А. В. Банк, С. Ф. Стржелецкого, В. В. Кропоткина, И. В. Соколовой.

Как уже указывалось, ряд докладов и сообщений был посвящен вопросам византийской культуры, литературе, искусству, архитектуре и археологии.

Кандидат исторических наук Е. Э. Гранстрем (Ленинград) сделала сообщение о многочисленных греческих палимпсестах, хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В докладе кандидата филологических наук В. С. Шандровской (Ленинград) «Рукописная традиция „Пулолога“» был дан обзор существующих списков „Пулолога“, проведено сопоставление текста ленинградских рукописей с текстом, изданным Ватером, показано большое значение этого памятника сатирической литературы для изучения поздневизантийской культуры. Доклад „Об армяно-грузино-латино-русской версиях греческого апокрифа с именем Хрисостома“ прочел член-кор-

респондент АН Армянской ССР Л. М. Меликсет-Бек (Тбилиси). Докладчик дал характеристику приписываемой Иоанну Златоусту апокрифической гомилии, посвященной Григорию Парфянскому.

Объектом внимания кандидата исторических наук В. П. Дондуа (Тбилиси) явился редкий памятник грузинской письменности афонского происхождения (XIII—XIV вв.) — пергаментная рукопись канонического содержания (распорядок жизни белого духовенства). Автором этого сочинения был Евфимий Афонит (X в.).

И. Ф. Фихман (Ленинград) на основе анализа двух папирусов дал характеристику карпорадий византийского Египта.

Член-корреспондент АН Грузинской ССР профессор Л. А. Мацулевич (Ленинград) прочитал доклад „Мозаики Биралькута и Пицунды“, посвященный анализу обнаруженных в результате раскопок последних лет мозаик полов обоих названных памятников. Докладчик датировал мозаики V в. и в связи с этим сделал вывод о существовании глубоких местных и палестинских традиций в искусстве Грузии в IV в. и художественных связей Лазики с Средиземноморьем в V в.

В докладе кандидата исторических наук А. В. Банк (Ленинград) „Памятники византийской глиптики Эрмитажа“ рассматривались уникальные камеи с изображением Христа, богородицы, Василия Великого и др., которые докладчица датировала X и XI вв.

Доктор искусствоведческих наук К. Н. Афанасьев (Москва) в докладе „Архитектурная школа Абхазского царства“ предпринял попытку объединить некоторые грузинские крестовокупольные храмы в отдельную школу, типологические принципы которой сложились, по мнению докладчика, к середине X в. и которая оказала сильное влияние на архитектуру Киевской Руси. Однако эти положения были подвергнуты серьезной критике в выступлениях Л. М. Меликсет-Бека, Н. Ю. Ломоури, Л. А. Мацулевича, В. Н. Лазарева, П. А. Раппопорта.

Кандидат исторических наук А. Л. Якобсон (Ленинград) в докладе „Средневековые сельские поселения в юго-западном Крыму (IX—X вв.)“ доложил о результатах раскопок, ведущихся в Байдарской долине.

Византийской нумизматике были посвящены доклады кандидата исторических наук В. В. Кропоткина (Москва) и младшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа И. В. Соколовой (Ленинград). Доклад В. В. Кропоткина явился информацией о работе, которая им проделана по составлению полного каталога находок византийских монет на территории СССР (в русской литературе такой каталог составлен впервые). И. В. Соколова дала характеристику хранящихся в фондах Государственного Эрмитажа серебряных монет Константина VII.

Вопросам изобретения пороха в Византии и Китае и его применения в военном деле был посвящен доклад В. Б. Вилинбахова (Ленинград).

На заключительном заседании сессии были заслушаны три информационных доклада, посвященных международным связям советских византистов. Член-корреспондент АН СССР Н. В. Пигулевская выступила с докладом о работе XI Международного византиноведческого конгресса в Мюнхене. Кандидат исторических наук А. В. Банк сделала сообщение о выставке византийского искусства в Эдинбурге и Лондоне, где были представлены и экспонаты из советских музеев. Член-корреспондент АН СССР В. Н. Лазарев рассказал о работе смешанной советско-албанской экспедиции по изучению средневековых памятников Албании.

В завершение работы сессии ее участники единодушно приняли решения, направленные на дальнейшее развитие византиноведения в

Советском Союзе. Было признано необходимым систематически созывать общесоюзные сессии по византиноведению, продолжать издание серии „Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы“ и выказано пожелание о превращении „Византийского временника“ в периодический журнал.

Особое внимание в решениях сессии было уделено дальнейшему укреплению и расширению связей с учеными союзных республик и стран народной демократии, а также с прогрессивными учеными других зарубежных стран. Согласно принятому решению, доклады участников сессии публикуются в XVII и XVIII томах „Византийского временника“.

К. А. Осипова

МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА ВИЗАНТИЙСКОГО ИСКУССТВА В ЭДИНБУРГЕ—ЛОНДОНЕ

22 августа 1958 г. в Эдинбурге, в залах Королевского музея Шотландии состоялось торжественное открытие Международной выставки византийского искусства.

Эта выставка была организована известным английским историком византийского искусства, профессором Эдинбургского университета Давидом Тальбот-Райсом при активном участии его жены (также известного историка искусства) г-жи Тамары Тальбот-Райс. Открытие было приурочено к началу Международного Фестиваля Искусств в Эдинбурге¹.

Подобные выставки проводились до настоящего времени лишь два раза: одна была устроена в 1905 г. в Гротаферрате, но представленные на ней экспонаты происходили в основном из итальянских собраний². Другая — в 1931 г. в Париже — включала многочисленные памятники из разных стран³. На обеих выставках Византия понималась расширительно: здесь фигурировали предметы, относящиеся к периоду после падения Константинополя (XVI—XVII вв.), а также к странам, не входившим в пределы империи (например русские иконы). Отбор экспонатов для выставки в Эдинбурге производился на более строгой научной основе: за некоторыми исключениями (главным образом в части позднегреческой иконописи) здесь были представлены предметы собственно византийского искусства.

К выставке был выпущен каталог, составленный проф. Д. Тальбот-Райсом при участии сотрудника Музея Виктории и Альберта (Лондон) Дж. Бекуита⁴. В нем дается название предмета, его дата, размеры, указание на собрание, краткая характеристика памятника и основная библиография. Несмотря на некоторые неточности, иногда спорные определения и датировки отдельных вещей, каталог служил

¹ Начиная с 1947 г., ежедневно в конце августа—начале сентября в Эдинбурге организуются выступления различных театральных коллективов и оркестров, устраиваются разнообразные выставки, привлекающие тысячи приезжих из разных стран Европы и Америки. Среди выставок 1958 г. центральное место заняла выставка византийского искусства.

² A. Muñoz. L'art byzantin à l'exposition de Grottaferrata. Rome, 1906.

³ Catalogue de l'Exposition internationale d'art byzantin. Paris, 1931; W. F. Volbach, G. Salles et G. Duthuit. L'art byzantin. Paris, 1931.

⁴ Masterpieces of Byzantine Art. Director David Talbot Rice. Edinburgh International Festival. Edinburgh—London, 1958. Каталог затем был переиздан с небольшими изменениями и поправками для выставки в Лондоне.